

ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ¹

А. П. Романова, Д. А. Черничкин, М. С. Топчиев, А. В. Рогов

Романова Анна Петровна.

Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru. ORCID 0000-0001-8537-4893.

Черничкин Дмитрий Алексеевич.

Эл. почта: chernichkin95@mail.ru. ORCID 0000-0002-9647-7916.

Топчиев Михаил Сергеевич.

Эл. почта: seo.gfn@gmail.com. ORCID 0000-0001-8296-6631.

Рогов Александр Владимирович.

Эл. почта: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317.

Институт исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, Астрахань, 414056, Россия.

Аннотация. Современное общество не ставит барьеров для религиозной трансгрессии — сложного многовекторного процесса изменения религиозной идентичности в течение всей жизни. В западной литературе этот процесс изучается преимущественно как конверсия или переход применительно к определенному религиозному течению. Основной целью нашей статьи является выявление специфики религиозной трансгрессии на российской территории Северного Прикаспия (Астраханская область, Республика Калмыкия, Республика Дагестан) и отношения к ней современного студенчества. Данный регион представляет собой перекресток трех мировых религий — христианства, ислама и буддизма. Методология исследования была комплексной и сочетала количественные — опрос в форме раздаточного электронного анкетирования — и качественные методы: контент-анализ форумов религиозной направленности в сети Интернет и глубинные интервью с людьми, совершившими религиозную трансгрессию. В процессе исследования мы выявили основные причины и механизмы протекания трансгрессивных процессов. Среди наиболее распространенных причин религиозной трансгрессии в современном социуме можно выделить: межконфессиональный брак, протест против навязанной с детства религии, мировоззренческий поиск, фактор жизненных сложностей и любопытство. Механизмы трансгрессии были обозначены в процессе анализа глубинных интервью. Результаты исследования показали, что в целом студенческая молодежь Северного Прикаспия осведомлена о наличии таких процессов в сфере своих непосредственных контактов и относится гораздо более лояльно к процессу религиозной трансгрессии, нежели это проявляется у среднестатистического россиянина, обсуждающего на специализированных форумах эти проблемы.

Ключевые слова: религиозная трансгрессия, причины, механизмы, отношение к смене веры.

Введение

Смена вероисповедания уже давно не является чем-то исключительным. Правда, времена массового насильственного перехода из одной религии в другую в процессе завоеваний или миссионерской деятельности давно прошли, но потребность людей в поисках новой религии осталась. Религиозная принадлежность перестала быть обязательным культурным кодом человека, ее смена становится достаточно обыденным явлением.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования пострасгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

Терминология, используемая для обозначения этого процесса в зарубежной и отечественной науке, достаточно вариативна. В западных исследованиях первым был введен в научный оборот и активно использовался термин «religious conversion» (лат. *conversio* — переход на другой путь), обозначающий прежде всего религиозное обращение и реже — переход из одной религии в другую. У. Джеймс своей знаменитой работой «Многообразие религиозного опыта» (1902) положил начало систематическому изучению религиозной конверсии, продолженному далее прежде всего, в психологическом ключе (Hill, Pargament, 2003; Snook, Williams, Horgan, 2018; Halama, 2015; Jindra, 2014). Конверсия рассматривалась как основная причина «когнитивной перестройки» (Hastings, 2010), сознательная смена мировоззрения, «изменение корневой реальности» (Williamson, Hood, 2012) с преимущественно позитивными последствиями (James, 1902/1958; Köse, Loewenthal, 2000; Trinitapoli, 2007). Таким образом, главной причиной и одновременно результатом религиозной конверсии считалось стремление к личностной трансформации, к чему, собственно, и приводит обращение к вере: «...конверсия дает человеку новую идентичность, новое направление, смысл и цель» (Gillespie, 1991). Термин «религиозная конверсия» применяли активно и к изучению так называемых «новых религиозных движений», таких как, например, Церковь Объединения Сон Мен Муна. На основе этих исследований и была разработана Д. Лофландом и Р. Старком (Lofland, Stark, 1965) социопсихологическая поэтапная модель религиозной конверсии как обращения, дополненная и усовершенствованная позднее Л. Рамбо (1993, 2010).

Параллельно с термином «религиозная конверсия» разрабатывался концептуально иной подход, породивший еще один термин — «religious switching» (англ. «религиозный переход/выход, переключение»). Первая попытка детального описания данного феномена была предпринята тем же Р. Старком, но уже совместно с С. Глоком (Stark, Glock, 1968). В данном случае это не обращение к вере, а переход из одной веры в другую. Исследователи прогнозировали на тот момент, что рост консервативных церквей, которые обращали внимание на традиционное религиозное семейное воспитание, поспособствует «переключению» на традиционные церкви людей, ранее обращенных в «новые религиозные движения» (Hu, Leamaster, 2015; Schnitker and etc. 2019; Wiesenbergh, 2020). В российских исследованиях также используются два термина: реже — религиозное обращение (Гусева, Буланова, 2017) и, как российская калька английского термина — религиозная конверсия (Буланова, 2013; Чернов, Буланова, 2014; Яшин, 2019; Дорофеева, 2017; Исаева, 2014; Любимова, 2009; Моравицкий, 2005; Островская, 1998; Поплавский, Ключева, 2013). Исследования с использованием последнего термина более точечны и конфессионально конкретизированы.

Итак, по мнению исследователей, в современном обществе в религию обращаются, в нее переходят, конвертируются из другой системы веры, переключаются из одной религии в другую, но и входят, и входят как в зал ожидания, иногда не один раз в течение жизни.

Рис. 1, опубликованный американским исследовательским центром «Pew research center» (The Changing Global...), наглядно показывает, что в последние пять лет происходит весьма впечатляющее «межконфессиональное броуновское движение», связанное с изменением религиозной ориентации, которое мы в наших последних исследованиях называем постмодернистским термином — трансгрессия.

Мы используем для обозначения современного состояния этих процессов термин «трансгрессия», поскольку он изначально несет в себе глубокий философ-

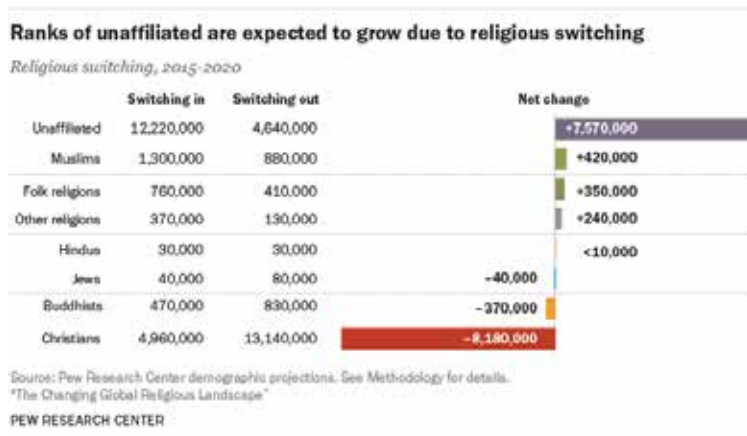

Рис. 1. Динамика религиозных переходов в мире (2015–2020)

Fig. 1. Dynamics of religious transitions in the world

ский смысл — как «выход за пределы своего Я», о чем мы подробнее писали ранее (Torchiev et al., 2020). С нашей точки зрения, термины, используемые нашими зарубежными и российскими коллегами, имеют определенные ограничения. Термин «трансгрессия» более гибок в употреблении. Под трансгрессией в данном контексте мы понимаем и простое переключение (switching), и переход/конверсию, и религиозное обращение, и потерю веры, и обретение атеистического мировоззрения, а также достаточно сложный и масштабный процесс свободного религиозного поиска ризомного характера. Обращаясь еще раз к рис. 1, мы видим, что за последние 5 лет за счет сознательного выбора растет количество прежде всего «unaffiliated», свободных, не привязанных к конкретной конфессии личностей. Таким образом, религиозная трансгрессия — это не особый тип перехода, это состояние общества и индивида, готового к любым неоднократным изменениям в религиозной сфере.

Цель и задачи

Основной целью нашей статьи является выявление специфики религиозной трансгрессии на российской территории Северного Прикаспия. Данный регион является интересной площадкой для анализа, поскольку, с одной стороны, диахронно, это перекресток трех мировых религий, где преимущественно мусульманский Дагестан соседствует с буддийской Калмыкией и поликонфессиональной Астраханью с преобладанием православия. С другой стороны, синхронно, в силу своего территориального расположения и близости к Азии, это достаточно консервативный в конфессиональном плане регион. Предметом исследования является отношение к актам религиозной трансгрессии наименее консервативной части населения консервативного региона Северного Прикаспия — цифрового поколения, что позволяет нам делать определенные прогностические выводы. В соответствии с поставленной целью решались следующие исследовательские задачи:

- изучить причины смены религиозной принадлежности;
- рассмотреть основные механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи Северного Прикаспия;
- выявить отношение респондентов к людям, сменившим религиозную принадлежность.

Методы и процедура исследования

В рамках подтверждения / опровержения предложенной нами гипотезы было проведено комплексное социологическое исследование, основной задачей которого стало выявление специфики религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи на российской территории Северного Прикаспия. Выбранными для исследования регионами стали: Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Дагестан. Используемыми социологическими методами стали:

1) Опрос, производившийся в форме раздаточного электронного анкетирования (количественный метод). Объем выборочной совокупности составил 809 студентов высших учебных заведений региона Северного Прикаспия, в состав которого входят: Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Дагестан. Распределение по гендерному признаку составило: 36,6% — респонденты мужского пола, 63,4% — респонденты женского пола. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей, основными признаками отбора являются: регион проживания, возраст и пол. Метод получения первичной социологической информации: раздаточное электронное анкетирование. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21. Анализ данных включал линейное распределение ответов респондентов на вопросы анкеты, осмысление параметров таблиц сопряженности.

2) Глубинные интервью (качественный метод). В ходе исследования были проведены 7 глубинных интервью. Гайд экспертного интервью был разработан авторами исследования. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов. Вопросы гайда биографического интервью были разделены на тематические блоки, отвечающие требованиям задач исследования. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов, которые сменили свою религиозную принадлежность, выступивших в качестве информантов. Участники интервью принадлежат к региональному студенчеству.

3) Контент-анализ (качественный метод) форумов религиозной направленности в сети Интернет в период с 10.11.2019 по 01.03.2020. Целью данного анализа было выявление отношения участников интернет-форумов к феномену религиозной трансгрессии (на форумах указывали названия «смена веры», «смена религии»), а также к людям, сменившим свою религиозную принадлежность. Выборка была составлена на основе наличия в интернет-форумах тем, посвященных смене религиозной принадлежности, что позволило выявить наиболее распространенные причины религиозной трансгрессии. В результате было проанализировано 13 форумов в сети Интернет, созданных в период с 2006 г. по 2019 г., с последующей содержательной интерпретацией и статистической обработкой. Поскольку отследить возраст, региональное расположение и этническую, а в определенных случаях и конфессиональную, принадлежность участников форума было не всегда возможно, то данные, полученные в результате контент-анализа, рассматривались как общероссийский срез, точка отсчета при анализе уровня отношения к системе религиозной веры молодежи Северного Прикаспия.

Причины религиозной трансгрессии

Для определения степени распространенности процессов религиозной трансгрессии в исследуемом регионе респондентам был задан вопрос: «Случалось ли

Таблица 1. Социальная дистанция от фактов перехода

Table 1. Social distance from transitions

№	Вопрос <i>Question</i>	Варианты ответа <i>Answer options</i>	%
5.	Где именно Вам приходилось сталкиваться с ситуацией перехода из одной религии в другую? <i>Where exactly have you come across a situation of conversion from one religion to another?</i>	В Вашей семье <i>In your family</i>	4,8
		В семье Ваших родственников <i>In your relatives' family</i>	7,5
		Среди близких и знакомых Вашей семьи <i>Among relatives and friends of your family</i>	17,8
		Среди Ваших друзей <i>Among your friends</i>	12,5
		Среди знакомых Ваших друзей <i>Among friends of your friends</i>	54,5
		Я сам перешел в другую религию <i>I myself switched to another religion</i>	1,9
		Я сейчас нахожусь на этапе смены религиозной принадлежности <i>I'm in the process of changing my religious affiliation</i>	1,0

Вам сталкиваться с ситуацией, когда верующие переходили из одной религии в другую?» 51,3% сталкивались с подобным явлением, 48,7% — не сталкивались. Высокий процент информированности о случаях религиозной трансгрессии, возможно, связан с особенностями поликонфессиональной среды, в которой проводилось исследование, изменениями в системе ценностей молодежи, влиянием виртуального пространства, повышением общего уровня знаний о религиозных системах и пр. Надо заметить, в большинстве своем респонденты указывают, что данные процессы происходят преимущественно в «дальнем круге» — среди знакомых их друзей (54,5%); 12,3% респондентов обозначают «ближний круг» — факт трансгрессии фиксировался ими среди членов семьи и близких родственников, только 1,9% совершили акт религиозной трансгрессии лично (см. табл. 1).

Исследуя религиозную трансгрессию, мы учитывали психологические аспекты этого процесса, но прежде всего рассматривали ее как социальный феномен. По результатам анализа серии глубинных интервью и данных опроса и контент-анализа форумов в сети Интернет нами были выделены наиболее актуальные на данный момент времени причины религиозной трансгрессии.

Результаты опроса показали, что, по мнению респондентов, трансгрессия происходит как результат сознательного выбора — 51,1%; под влиянием одного из супругов — 31,6%; вследствие разочарования в прежней религиозной принадлежности — 25%, что отчасти подтверждают данные глубинных интервью и контент-анализа форумов в сети Интернет (см. табл. 2).

Самой обсуждаемой причиной религиозной трансгрессии на интернет-форумах и одновременно самой формализованной является межконфессиональный брак. Его считают основным толчком к смене вероисповедания и западные исследователи (Bugay, Delevi, 2010; Choy, 2020; Lundberg et al. 2016), так как в подобной

Таблица 2. Причины смены религиозной принадлежности (многовариантный)

Table 2. Reasons for changing religious affiliation (multiple)

№	Вопрос Question	Варианты ответа Answer options	% общий total	% от ответа of the answer
12.	Как Вы считаете, какие причины заставляют верующих совершать переход из одной религии в другую? (возможно выбрать не более 3-х вариантов ответа) What do you think are the reasons why believers are forced to convert from one religion to another? (no more than 3 possible answers)	Влияние родственников и близкого окружения <i>Influence of relatives and close circle</i>	24,0	13,0
		Влияние одного из супругов <i>Influence of one of the spouses</i>	31,6	17,2
		Сознательный выбор <i>Conscious choice</i>	51,1	27,8
		Любопытство <i>Curiosity</i>	5,6	3,1
		На первоначальный выбор религии оказали влияние родители в детстве <i>The initial choice of religion was influenced by parents in childhood</i>	23,7	12,9
		Влияние моды <i>Fashion influence</i>	8,9	4,8
		Разочарование в прежней религиозной принадлежности <i>Disillusionment with previous religious affiliation</i>	25,0	13,6
		Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	12,8	7,0
		Другое <i>Other</i>	1,3	0,7

форме брака религиозный переход наиболее вероятен. Он совершается либо по принуждению, либо добровольно для гармонизации брака (Hadaway, Marler, 1993), поскольку, парам с одинаковыми религиозными убеждениями будет легче производить «религиозный капитал» (Lanzieri, 2012). На Западе, опираясь на данные зарубежных исследований, такой переход совершают преимущественно мужчины (Sandomirsky, Wilson, 1990). В полиэтнических регионах России, где практика межконфессионального брака является достаточно распространенной (Черничкин, 2019), вероисповедание меняют чаще всего женщины, вступая в брак с мусульманами, что активно обсуждается на интернет-форумах (Кудряшова, 2020): «Знаю семью, где три дочери и мать сменили христианство на мусульманство, девушки вышли замуж за мусульман, а мама присмотрелась к этой религии и решила, что для нее тоже так лучше. Отец их при всем этом веры не менял» (Woman.ru). На территории Северного Прикаспия в межконфессиональной среде такие браки являются достаточно обыденным явлением. Результаты проведенных нами в 2015 году фокус-групповых интервью позволяют обозначить межконфессиональный брак как наиболее часто встречающуюся причину религиозной трансгрессии (Топчиев, Дрягалов, 2016).

Еще одной важной причиной, указанной информантами, является протест против навязанной с детства религии, сопровождающийся разочарованием в прежней религиозной принадлежности. В большинстве случаев это связано с неприятием религии как института: *«ислам на самом деле очень серьезная и строгая религия, надо обязательно придерживаться всех канонов, традиций, обрядов. А это не для меня. Я вегетарианка, у меня татуировки, а в исламе это не приветствуется»* (информант № 7); *«...наверное, пришло осознание религии в целом. Это просто уже давным-давно бизнес, обычный способ заработать деньги на людях...»* (информант № 2).

Важной и достаточно частой причиной религиозной трансгрессии, отмечаемой информантами и участниками интернет-форумов, является фактор жизненных сложностей: *«Если подходить напрямую к этому вопросу, то, наверное, повлияло то, что у родителей начались серьезные проблемы со здоровьем (онкологическое заболевание)...это оказало определенное воздействие»* (информант № 1).

Среди информантов было несколько человек, для которых причиной трансгрессии стал мировоззренческий поиск. Одного из них, этнического мусульманина, он привел к православию. Другой, урожденный мусульманин, в подростковом возрасте стал атеистом, а затем, соприкоснувшись с философией Ф. Ницше, снова вернулся в ислам. Здесь мы наблюдаем «обратную» трансгрессию.

Для самого молодого информанта, этнического православного, толчком стало любопытство: *«Никто и ничто не влиял, просто сам захотел, интересно стало. Как-то в голову пришло поменять религию...принял ислам, практически ничего не зная, а потом уже со временем изучал основы»* (информант № 5).

Механизмы религиозной трансгрессии

Даже на формальном уровне в зависимости от системы вероисповедания процесс религиозной трансгрессии имеет существенные различия. Процедура смены конфессиональной принадлежности может быть долгой и сложной в рамках иудаизма (гиюр для неевреев) или относительно формализованной, как в исламе. Но в данном случае мы ведем речь не о процедуре, а о механизмах личной трансгрессии. Чаще всего это сложный процесс, приводящий к кардинальным изменениям в жизни. Данный тезис также подтверждает большинство информантов: *«...одномоментно никогда не происходит. Это надо все прочувствовать, картина мира меняется кардинально. Все окружающие меня люди и события воспринимаются теперь по-другому...»* (информант № 6); *«...я принципиально иначе взглянул на ислам и на окружающий мир...»* (информант № 4); *«...поменялось отношение к окружающим и окружающим ко мне...»* (информант № 5).

Если рассматривать сам механизм смены религиозных взглядов, то анализ серии интервью позволил нам условно выделить несколько этапов данного процесса, которые не зависят от направленности перехода:

1. Сомнение в «правильности» своих религиозных взглядов.
2. Поиск в священных текстах, беседах с верующими и священнослужителями подтверждения или опровержения своих сомнений (если сомнения не подтвердились, то дальнейший процесс религиозной трансгрессии не происходит).
3. Снижение уровня прежней религиозности (отказ соблюдать религиозные обряды и посещать молитвенные дома).
4. Знакомство с новой религией: чтение религиозной литературы, беседы со священнослужителями, посещение служб и т.д. (в случае перехода к религиозно-

му индифферентизму или атеизму происходит пересмотр религиозных взглядов с точки зрения светского человека).

5. Поиск в текстах «новой» религии ответов на личные жизненные вопросы.

6. «Наложение» новой религиозной принадлежности на свою картину мира (в случае с индифферентизмом и атеизмом формируется критическое отношение к любой религии).

7. Окончательный отход от «старой» религиозной принадлежности.

8. Процедура официального принятия новой религии и формирование новой религиозной идентичности (в случае с неверием и атеизмом происходит полный отказ от религиозной самоидентификации).

В случаях прихода к религиозному индифферентизму или к атеизму несколько информантов описывали четкий механизм разрушения своей религиозной идентичности: «...1 этап — это сомнение, 2 этап — опровержение или подтверждение своих сомнений, 3 этап — осмысление всего того, что ты делал до этого. А потом ты просто перестаешь верить во все это и живешь дальше как светский человек...» (информант № 6); «Сначала, это был отказ ходить в церковь на большие религиозные праздники, потом стали появляться противоречия в восприятии православия. Далее было такое пассивное отношение к религии в целом, а потом и совсем перестала верить...» (информант № 2). Переход из одной религии в другую, по словам информантов, выглядит несколько сложнее, чем просто отход от веры: «...это был долгий переход, 9 лет я осознавал себя верующим другой религии, но не религиозным. То есть в душе вера была, но никакие религиозные культы и правила я не соблюдал. Но потом, с течением 9 лет, я начал соблюдать. И с каждым годом все строже, все более правильно соблюдаю эти религиозные каноны...» (информант № 3); «сначала я читал религиозную литературу и постепенно перешел на толкования Корана, но мне казалось непонятным и невозможным это все. Я часто задавался различными жизненными вопросами, и их отражение я нашел в текстах священного писания. Когда ты читаешь, то у тебя в голове щелкает «о, это так надо»... Долго общался со многими имамами в разных районах, в мечетях с преподавателями общался, дальше самостоятельно изучал литературу. Спустя долгое время это все закончилось приходом в религию, не радикализацией, пребываю в максимально легальном поле...» (информант № 1).

Отношение к религиозной трансгрессии

Более половины опрошенных (68,1%) нейтрально относятся к людям, сменившим свою религиозную принадлежность (см. табл. 3). Опираясь на данные наших исследований 2015 и 2019 гг.², мы можем предположить, что такое индифферентное отношение к трансгрессии может быть обусловлено незначительным влиянием религии на жизнь современной молодежи, что позволяет им не рассматривать религиозный переход как серьезное препятствие к коммуникации. Аналогичной точки зрения придерживаются и С. А. Ляужева и Б. Л. Шхачемукова (2017).

Относясь вполне терпимо к чужой религиозной трансгрессии, 79,5% респондентов для себя эту возможность отрицают, причем мужчины менее лояльны к этому процессу (3,8%), чем женщины (9,7%) (см. табл. 4). На наш взгляд, такая разница связана с тем, что важной причиной религиозной трансгрессии для женщин явля-

² Исследования 2015 и 2019 гг. показывают постепенное снижение религиозности молодежи в исследуемом регионе (см. Топчиев, Дрягалов, 2016; Романова, Бичарова, Дрягалов, 2019).

Таблица 3. Отношение к религиозной трансгрессии

Table 3. Attitude to religious transgression

№	Вопрос <i>Question</i>	Варианты ответа <i>Answer options</i>	% Общий <i>total</i>	% Христианство (православие) <i>Christianity (Orthodoxy)</i>	% Ислам <i>Islam</i>	% Буддизм <i>Buddhism</i>
220.	Каково Ваше отношение к людям, сменившим свою религиозную принадлежность? <i>How do you feel about people who have changed their religion?</i>	Положительное <i>Positive</i>	10,5	10,9	11,0	7,0
		Скорее положительное, чем отрицательное <i>Positive rather than negative</i>	6,1	6,1	8,1	7,0
		Нейтральное <i>Neutral</i>	68,1	72,1	57,3	74,4
		Скорее отрицательное, чем положительное <i>Negative rather than positive</i>	2,5	3,6	2,7	2,3
		Отрицательное <i>Negative</i>	1,6	1,2	1,8	2,3
		Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	11,2	6,1	19,1	7,0

ется переход в конфессию будущего или потенциального мужа, и именно мужчина зачастую является инициатором перехода брачного партнера в свою религию (Топчиев, 2020).

В заключение студентам предлагалось выразить свое отношение к людям, которые сменили свою религиозную принадлежность. Смену религиозной принадлежности как ошибку обозначили всего лишь 12,5% опрошенных. Остальные в той или иной мере либо уклонились от ответа — 46,2% — либо признали право человека на трансгрессию (см. табл. 5).

Часть информантов, оценивая свой поступок (религиозную трансгрессию), не сомневаются в его правильности: «...не считаю ошибкой и обратно вернуться я не рассматриваю возможность...» (информант № 4); «Нет, не считаю ошибкой и даже не задумываюсь об этом» (информант № 1). Однако значительная часть информантов, не сомневаясь в правильности своего поступка, вполне допускает возвращение обратно к предыдущей конфессии: «...я как бы нейтрально к этому отношусь...как ушла, так и приду обратно...» (информант № 2); «Можно было бы, если бы та религия, которую я сейчас исповедую, окажется хуже, чем та, которую я исповедовал раньше...» (информант № 3), либо смену «новой» конфессии на еще одну: «...я думаю иногда об этом (подразумевается повторная смена религии), если, к примеру, встречу человека, который исповедует другую религию. Если я действительно буду любить этого человека, то я смогу спокойно перейти в другую религию...» (информант № 7).

Таблица 4. Возможность смены религиозной принадлежности

Table 4. Possibility to change religious affiliation

№	Вопрос Question	Варианты ответа Answer options	% Общий total	% Мужчины Men	% Женщины Women
13.	Допускаете ли Вы возможность смены Вашей религиозной принадлежности? <i>Do you allow the possibility of changing your religious affiliation</i>	Определенно да <i>Definitely yes</i>	1,9	0,3	2,8
		Скорее да, чем нет <i>Yes rather than no</i>	5,6	3,5	6,9
		Скорее нет, чем да <i>No rather than yes</i>	16,8	17,3	16,5
		Определенно нет <i>Definitely no</i>	62,7	67,1	60,2
		Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	12,9	11,8	13,6

Таблица 5. Отношение респондентов к людям с новой религиозной идентичностью

Table 5. Respondents' attitudes towards people with new religious identities

№	Вопрос Question	Варианты ответа Answer options	%
19.	По Вашему мнению, люди, сменившие религиозную принадлежность, совершили ошибку? <i>In your opinion, the people who changed their religion made a mistake?</i>	Определенно совершили <i>Definitely yes</i>	4,8
		Скорее совершили <i>Yes rather than no</i>	7,7
		Скорее не совершили <i>No rather than yes</i>	21,3
		Определенно не совершили <i>Definitely no</i>	20,0
		Затрудняюсь ответить <i>Not sure</i>	46,2

Высказывания же участников интернет-форумов более радикальны. Они имеют весьма широкий спектр эмоций, поскольку в определенной степени бесконтрольны и анонимны — от крайне негативных оценок трансгрессии: «люди, меняющие веру, хуже даже, чем предатели, какими бы соображениями они ни руководствовались» (Форум Mail.ru); «ради замужества не стоит прогибаться по такому поводу» (Форум Mail.ru), нейтральных и даже положительных, там, где это касается перехода в ислам: «Будучи мусульманкой и считая свою религию единственно правильной, я считаю диким, когда мусульмане меняют свою религию на другую, и радуюсь, когда люди из других религий приходят в ислам...» (Форум Mail.ru).

Выводы

Итак, территория Северного Прикаспия в современную эпоху подвержена процессам религиозной трансгрессии. С ней сталкивалось практически 50% опрошенной

студенческой молодежи региона. Это означает, что сам процесс трансгрессии, вопреки мнению западных исследователей, считающих, что свободный переход от одной религии к другой характерен скорее для США и некоторых других европейских стран (Jones, Cox, 2017), стал достаточно обыденным даже для такого консервативного региона, с высоким процентом проживания мусульман, как Северный Прикаспий. Практически больше половины опрошенной молодежи считают, что трансгрессионные процессы совершаются как сознательный и продуманный выбор, достаточно сложно, небыстро, многоступенчато, и сопровождаются серьезными мировоззренческими трансформациями, «выходом за пределы». Хотя, конечно, около трети переходов, по мнению респондентов, совершается под влиянием различных обстоятельств — брак, развод, травматические события. Однако на разные поколения один и тот же травматический фактор порой оказывает различное воздействие. После событий 11 сентября 2001 г. в США американские умудренные опытом родители-мусульмане посоветовали своим отпрыскам-студентам не афишировать свою конфессиональную принадлежность, во избежание открытых конфликтов, как это сделали они сами. Однако молодежь не только не стала скрываться, наоборот, она акцентировала свою веру и через осмысление происходящих процессов пришла к исламу как осознанной идентичности (Peek, 2005).

Тем не менее, как показали результаты нашего исследования, в молодежной среде эти процессы могут проходить и спонтанно, «из любопытства». Это могут быть и челночные, многовекторные переходы по принципу «не понравится одна религия — перейду в другую».

Если рассматривать отношение к процессу смены религиозной идентичности в целом, то молодежь Северного Прикаспия относится к нему гораздо более лояльно и индифферентно, чем среднестатистические россияне, если исходить из анализа интернет-форумов, посвященных именно этой проблеме. Участники форумов в большинстве своем крайне негативно, а в некоторых случаях даже радикально, отзываются о смене конфессии. Допускается ими только переход в ислам. Смена ислама на другую конфессию равносильна десакрализации мира. В целом же в мире, как мы видим из рис. 1, процесс трансгрессии не обошел практически ни одну конфессию, в том числе и ислам. Конечно, обратившихся в ислам гораздо больше, нежели покинувших его, но цифра — 880 тысяч человек за последние пять лет — говорит о более свободном отношении к этому процессу и в исламе. Из 7 участников глубинных интервью в нашем исследовании двое перешли в ислам из православия, а двое поменяли ислам на христианство и кришнаизм. Причем для молодых участников опроса этническая конфессиональная принадлежность в данном случае роли не играет. Это значит, традиционное конфессиональное окружение, обусловленное рождением и проживанием, перестает быть фактором пожизненной привязки к религии, как это происходит у более старшего поколения. Для молодого поколения создается свободная трансгрессивная зона с отсутствием заранее заданных параметров. Трансгрессивный переход в молодежной среде зачастую не считается ошибкой, но из респондентов не более 10% декларируют намерение сменить религию.

Как показали результаты нашего исследования, терпимость молодежи, по крайней мере в регионе Северного Прикаспия, по отношению к переходам имеет свои границы — и это добровольность акта. Этот фактор выявился еще в результате наших предыдущих исследований, где участники фокус-групповых интервью, в целом достаточно лояльно отнесшиеся к процессу перехода, оценили его резко

негативно при условии, что он совершился по принуждению (Топчиев, Дрягалов, 2016). Наши параллельные исследования, связанные с коллективной памятью цифрового поколения, также показали, что для этого поколения важнейшей ценностью является свобода личности (Романова, 2019). И эта свобода реализовывать свое право на формирование своей религиозной идентичности, вне зависимости от ризомности вектора, имеет только одно ограничение — несвободу других людей.

Библиографический список

- Буланова, И. С. (2013). Смысловое содержание религиозной конверсии. *Религиоведение*, 4, 132–138.
- Гусева, Е. С., Буланова, И. С., Набиев, Д. Х. (2017). Религиозное обращение в нарративах мусульман: опыт эмпирического исследования. *Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология*, 2, 86–89.
- Дорофеева, Т. В. (2017). Мотивы конверсии в кришнаизм в условиях России. *Гуманитарные и социальные науки*, 2, 28–40.
- Исаева, В. Б. (2014). *Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью* (Кандидатская диссертация), Санкт-Петербург.
- Кудряшова, Е. В. (2020) Религиозная трансгрессия как предмет дискуссии на интернет-форумах. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2.
- Любимова, А. И. (2009). Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 10(1), 70–74.
- Ляушева, С. А., Шхачемукова, Б. Л. (2017). *Религиозная идентичность как основа противодействия религиозному экстремизму. Пути регулирования этносоциальных процессов в регионе: монография*. Майкоп: изд-во АГУ.
- Моравицкий, Я. Б. (2005). Католическая община Санкт-Петербурга: явление конверсии и трансформация властных отношений. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4, 102–119.
- Островская, Е. А. (1998). *Социально-антропологическое исследование буддийских мирских общин Санкт-Петербурга* (Автореферат кандидатской диссертации), Санкт-Петербург.
- Поплавский, Р. О., Ключева, В. П. (2013). «Как только я переродился...». Конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции. *Международный журнал исследователей культуры*, 1, 35–41.
- Романова, А. П. (2019). Коллективная память молодого поколения: историко-культурный аспект. В Актуальные проблемы современного общества. *Сборник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции (17–18 июня 2019)* (с. 211–216). Орёл: Модуль-К.
- Романова, А. П., Бичарова, М. М., Дрягалов, В. С. (2019). Основные векторы религиозной трансгрессии в молодежной среде Прикаспия и Юга России. *Системная психология и социология*, 3(31), 94–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09.
- Топчиев, М. С. (2020). Влияние религиозного фактора на формирование брачно-семейных отношений в приграничном регионе (на примере Астраханской области). *Социодинамика*, 3, 63–74. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.3.31390.
- Топчиев, М. С., Дрягалов, В. С. (2016). Религиозная трансгрессия и религиозная идентичность молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия. *Человек. Сообщество. Управление*, 17(4), 61–82.
- Форум Mail.ru. Режим доступа <https://otvet.mail.ru/question/12981278>.
- Форум Mail.ru. Режим доступа <https://otvet.mail.ru/question/190981122>.
- Черничкин, Д. А. (2019). Отношение к религиозной трансгрессии в поликонфессиональном регионе: экспертное мнение. Актуальные проблемы современного общества. В *Сбор-*

- ник научных статей по материалам Всероссийской (национальной) научной конференции (17–18 июня 2019) (сс. 233–239). Орёл: Модуль-К.
- Чернов, А. Ю., Буланова, И. С. (2014). Эмпирические модели трансформации личности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 1, 59–66.
- Яшин, В. Б. (2019). Факторы религиозной конверсии в общественном мнении жителей Омской области. *Теория и практика общественного развития*, 2(132), 29–33.
- Bugay, A., Delevi, R. (2010). “How Can I Say I Love You to an American Man and Mean It?” Meaning of Marriage Among Turkish Female Students Living in the U. S. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 5, 1464–1470. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.07.309.
- Choy, J. P. (2020). Religious Rules as a Means of Strengthening Family Ties: Theory and Evidence from the Amish. *Journal of Comparative Economics*. DOI: 10.1016/j.jce.2019.12.007.
- Elbrusoid. Архив форума. Режим доступа <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum170/topic17926/>.
- Gillespie, V. B. (1991). *The Dynamics of Religious Conversion: Identity and Transformation*. Birmingham: Religious Education Press.
- Halama, P. (2015). Empirical Approach to Typology of Religious Conversion. *Pastoral Psychology*, 64(2), 185–194.
- Hastings, A. (2010). William James, Conversion and Rapid, Radical Transformation. *Journal of Consciousness Studies*, 17(11–12), 116–120.
- Hill, P. C., & Pargament, K. I. (2003). Advances in the Conceptualization and Measurement of Religion and Spirituality: Implications for Physical and Mental Health Research. *American Psychologist*, 58, 64–74.
- Hu, A., Leamaster, R. J. (2015). Intergenerational Religious Mobility in Contemporary China. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 54 (1), 79–99.
- James, W. (1902/1958). *The Varieties of Religious Experience*. New York: Mentor.
- Jindra, I. W. (2014). *A New Model of Religious Conversion: Beyond Network Theory and Social Constructivism*. Leiden: Brill.
- Jones R. P., Cox, D. (2017). *America’s Changing Religious Identity. Findings from the 2016 American Values Atlas*. Washington D. C., Public Religion Research Institute (PRRI).
- Köse, A., Loewenthal, K. M. (2000). Conversion Motifs among British Converts to Islam. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 10(2), 101–110.
- Lanzieri, G. (2012). Mixed Marriages in Europe, 1990–2010. In *Cross-Border Marriage: Global Trends and Diversity, Chapter: 3*. (pp. 81–121) Korea Institute for Health and Social Affairs (KIHASA), Doo-Sub Kim.
- Lofland, J., Stark, R. (1965). Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review*, 30, 862–875.
- Lundberg, S., Pollak R. A., Stearns, J. (2016). Family Inequality: Diverging Patterns in Marriage, Cohabitation, and Childbearing. *Journal of Economic Perspectives*, 30(2): 79–102. DOI: 10.1257/jep.30.2.79.
- Peek, L. (2005). Becoming Muslim: The Development of a Religious Identity. *Sociology of Religion*, 66, 215–242. DOI: 10.2307/4153097.
- Rambo, L. R. (2010). Conversion Studies, Pastoral Counseling, and Cultural Studies: Engaging and Embracing a New Paradigm. *Pastoral Psychology*, 59, 439–441.
- Sandomirsky, S. Wilson, J. (1990). Processes of Disaffiliation: Religious Mobility Among Men and Women. *Social Forces*, 68, 1211–1229.
- Schnitker, S. A., Ratchford, J. L., Emmons, R. A., Barrett, J. L. (2019). High Goal Conflict and Low Goal Meaning are Associated with an Increased Likelihood of Subsequent Religious Transformation in Adolescents. *Journal of Research in Personality*, 80, 38–42. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.04.004.

- Snook, D. W., Williams, M. J., & Horgan, J. G. (2018). Issues in the Sociology and Psychology of Religious Conversion. *Pastoral Psychology*, 68, 223–240. DOI:10.1007/s11089-018-0841-1.
- Stark, R. Glock, C. (1968). *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley, CA: University of California Press.
- The Changing Global Religious Landscape. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>.
- Topchiev, M., Khlysheva, E., Dryagalov, V., Romanova, A., Bicharova, M. (2020). Postmodern Rhizome and Models of Religious Identity. *European Journal of Science and Theology*, 16(1), 119–130.
- Trinitapoli, J. (2007). "BI Know this isn't PC, but...": Religious Exclusivism among US Adolescents. *Sociological Quarterly*, 48(3), 451–483.
- Wiesenberg, M. (2020). Authentic Church Membership Communication in Times of Religious Transformation and Mediatization. *Public Relations Review*, 46, 1. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101817.
- Williamson, W. P., Hood, R. W., Jr. (2012). The Lazarus project: A Longitudinal Study of Spiritual Transformation among Substance Abusers. *Mental Health, Religion & Culture*, 15(6), 611–635.
- Woman.ru Режим доступа <http://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3937188/>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2019

Статья принята к публикации 12.02.2020

Для цитирования: Романова А. П., Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Причины и механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи Северного Прикаспия. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21. № 1. С. 104–120.

CAUSES AND MECHANISMS OF RELIGIOUS TRANSGRESSION AMONG STUDENTS OF THE NORTH OF CASPIAN SEA REGION

A. P. Romanova, D. A. Chernichkin, M. S. Topchiev, A. V. Rogov

Anna P. Romanova.

E mail: aromanova_mail@mail.ru. ORCID 0000-0001-8537-4893

Dmitriy A. Chernichkin.

E mail: chernichkin95@mail.ru. ORCID 0000-0002-9647-7916

Mikhail S. Topchiev.

E mail: ceo.gfn@gmail.com. ORCID 0000-0001-8296-663

Aleksandr V. Rogov.

E mail: alexr.89@mail.ru. ORCID 0000-0002-3512-8317

Institute of Southern Russia and Caspian Region Studies, Astrakhan State University, 20A Tatishchev Str., Astrakhan, 414056, Russia.

Acknowledgements. The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No.18-78-10064) "Transformation of mechanisms of formation of post-transgress model of religious identity in the modern information space".

Abstract. Modern society does not impose barriers to religious transgression, a complex, multi-pronged process of changing religious identities throughout a lifetime. In Western literature, this process is mainly studied as conversion or transition to a particular religious movement. The main purpose of our article is to reveal the specificities of religious transgression in the Russian territory of the north Caspian Sea area (Astrakhan region, Republic of Kalmykia, Republic of Dagestan) and the attitude towards it of modern student life. The area is a crossroads of three world religions – Christianity, Islam and Buddhism. The methodology of the study was comprehensive and combined quantitative – a survey in the form of a distribution electronic questionnaire, and qualitative methods – content analysis of religious forums on the Internet and depth interviews with people who have committed religious transgressions. In the process, we have identified the main causes and mechanisms of transgressive processes. The most

common causes of religious transgression in modern society include interfaith marriage, protest against a religion imposed since childhood, philosophical search, the difficulty of life and curiosity. The mechanisms of transgression were identified during the analysis of the in-depth interviews. The results of the study showed that, in general, the students of northern Caspian Sea are aware of the existence of such processes in their direct contacts. and are much more loyal to the process of religious transgression than the average Russian who discusses these issues in specialized forums.

Keywords: religious transgression, causes, mechanisms, attitude to the change of faith.

DOI: 10.31429/26190567-21-1-104-120

References

- Bugay, A., Delevi, R. (2010). "How Can I Say I Love You to an American Man and Mean It?" Meaning of Marriage Among Turkish Female Students Living in the U. S. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 5, 1464–1470. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.07.309.
- Bulanova, I. S. (2013). Smyslovoe sodержanie religioznoy konversii [The Semantic Content of Religious Conversion]. *Religiovedenie [Religious Studies]*, 4, 132–138.
- Chernichkin D. A. (2019). Otnoshenie k religioznoy transgressii v polikonfessional'nom regione: ekspertnoe mnenie [Religious Transgression in a Multi-confessional Region: Expert Opinion]. Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva. *Sbornik nauchnykh statey po materialam Vse-rossiyskoy (nacional'noy) nauchnoy konferentsii (17–18 iyunya 2019)* [Actual Problems of Modern Society. Collected Papers of the All-Russian (National) Scientific Conference (June 17–18, 2019)] (pp. 233–239). Oryol: Modul'-K.
- Chernov, A. Yu., Bulanova, I. S. (2014). Empiricheskie modeli transformatsii lichnosti [Empirical Models of Personality Transformation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7: Philosophy. Sociology and Social Technology], 1, 59–66.
- Choy, J. P. (2020). Religious Rules as a Means of Strengthening Family Ties: Theory and Evidence from the Amish. *Journal of Comparative Economics*. DOI: 10.1016/j.jce.2019.12.007.
- Dorofeeva, T. V. (2017). Motivy konversii v krishnaizm v usloviyah Rossii [Motives of Conversion into Krishnaism in the Conditions of Russia]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 2, 28–40.
- Elbrusoid. Arkhiv foruma [Forum Archive]. Retrieved from <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum170/topic17926/>
- Forum Mail.ru (2020). Retrieved from <https://otvet.mail.ru/question/12981278>.
- Forum Mail.ru (2020). Retrieved from <https://otvet.mail.ru/question/190981122>.
- Gillespie, V. B. (1991). *The Dynamics of Religious Conversion: Identity and Transformation*. Birmingham: Religious Education Press.
- Guseva, E. S., Bulanova, I. S., Nabiev, D. H. (2017). Religioznoe obrashchenie v narrativah musul'man: opyt empiricheskogo issledovaniya [Religious Conversion in Narratives of Muslims: Experience of The Empirical Research]. *Vektor nauki TGU. Ser.: Pedagogika, psihologiya* [TSU Science Vector. Ser.: Pedagogy, Psychology], 2, 86–89.
- Halama, P. (2015). Empirical Approach to Typology of Religious Conversion. *Pastoral Psychology*, 64(2), 185–194
- Hastings, A. (2010). William James, Conversion and Rapid, Radical Transformation. *Journal of Consciousness Studies*, 17(11–12), 116–120.
- Hill, P. C., & Pargament, K. I. (2003). Advances in the Conceptualization and Measurement of Religion and Spirituality: Implications for Physical and Mental Health Research. *American Psychologist*, 58, 64–74
- Hu, A., Leamaster R. J. (2015). Intergenerational Religious Mobility in Contemporary China. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 54 (1), 79–99.

- Isaeva, V. B. (2014). *Social'nyy mekhanizm religioznoy konversii: na primere peterburgskoy buddiyskoy mirskoy obshchiny Karma Kag'y'u* [Social Mechanism of Religious Conversion: Karma Kagyu] (Candidate Dissertation), Saint-Petersburg.
- James, W. (1902/1958). *The Varieties of Religious Experience*. New York: Mentor.
- Jindra, I. W. (2014). *A New Model of Religious Conversion: Beyond Network Theory and Social Constructivism*. Leiden: Brill.
- Jones R. P., Cox, D. (2017). *America's Changings Religious Identity. Findings from the 2016 American Values Atlas*. Washington D. C., Public Religion Research Institute (PRRI).
- Köse, A., Loewenthal, K. M. (2000). Conversion Motifs among British Converts to Islam. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 10(2), 101–110.
- Kudryashova, E.V. (2020) Religioznaya transgressiya kak predmet diskussii na internet forumakh [Religious Transgression as a Subject of Discussion on Internet Forums]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 2.
- Lanzieri, G. (2012). Mixed Marriages in Europe, 1990–2010. In *Cross-Border Marriage: Global Trends and Diversity, Chapter: 3*. (pp. 81–121) Korea Institute for Health and Social Affairs (KIHASA), Doo-Sub Kim.
- Lofland, J., Stark, R. (1965). Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review*, 30, 862–875.
- Lundberg, S., Pollak R. A., Stearns, J. (2016). Family Inequality: Diverging Patterns in Marriage, Cohabitation, and Childbearing. *Journal of Economic Perspectives*, 30(2): 79–102. DOI: 10.1257/jep.30.2.79.
- Lyausheva, S. A., Shkhachemukova, B. L. (2017). Religioznaya identichnost' kak osnova protivod-eystviya religioznomu ekstremizmu [Religious Identity as a Basis for Countering Religious Extremism]. In *Puti regulirovaniya etnosocial'nykh processov v regione: monografiya* [Ways of Regulation of Ethnosocial Processes in the Region: Monograph]. Maykop: izd-vo AGU.
- Lyubimova, A. I. (2009). Teorii religioznoy konversii i novye religioznye dvizheniya v Rossii [Theories of Religious Conversion and New Religious Movements in Russia]. *Vestnik Russkoy hristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 10(1), 70–74.
- Moravitskiy, Ya. B. (2005). Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga: yavlenie konversii i transformatsiya vlastnykh otnosheniy [St. Petersburg Catholic Community: The Phenomenon of Conversion and The Transformation of Power Relations]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 4, 102–119.
- Ostrovskaya, E. A. (1998). *Social'no-antropologicheskoe issledovanie buddiyskikh mirskikh obshchin Sankt-Peterburga* [Socio-Anthropological Study of the Buddhist Secular Communities in St. Petersburg] (Abstract of the Cand. Dissertation), Saint-Petersburg.
- Peek, L. (2005). Becoming Muslim: The Development of a Religious Identity. *Sociology of Religion*, 66, 215–242. DOI: 10.2307/4153097.
- Poplavskiy, R. O., Klyueva, V. P. (2013). "Kak tol'ko ya pererodilsya...". Konversiya i rasskazy o ney v pyatidesyatnicheskoy traditsii: struktura i funktsii [Once I Was Born Again." Conversion and Stories about The Pentecostal Tradition: Structure and Functions]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovateley kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 1, 35–41.
- Rambo, L. R. (2010). Conversion Studies, Pastoral Counseling, and Cultural Studies: Engaging and Embracing a New Paradigm. *Pastoral Psychology*, 59, 439–441.
- Romanova, A. P. (2019). Kollektivnaya pamyat' molodogo pokoleniya: istoriko-kul'turnyy aspekt. Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva [The Collective Memory of the Younger Generation: Historical and Cultural Dimension]. In *Sbornik nauchnykh statej po materialam Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii (17–18 iyunya 2019)* [Actual Problems of Modern Society. Collected Papers of the All-Russian (National) Scientific Conference (June 17–18, 2019)] (pp. 211–216). Oryol: Modul'-K.
- Romanova, A. P., Bicharova, M. M., Dryagalov, V. S. (2019). Osnovnye vektory religioznoy transgressii v molodezhnoy srede Prikaspiya i yuga Rossii [The Main Vectors of Religious Transgression in the Caspian and Southern Russia]

- in the Youth Environment of the Caspian Region and the South of Russia]. *Sistemnaya psikhologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology], 3(31), 94–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09.
- Sandomirsky, S. Wilson, J. (1990). Processes of Disaffiliation: Religious Mobility Among Men and Women. *Social Forces*, 68, 1211–1229.
- Schnitker, S. A., Ratchford, J. L., Emmons, R. A., Barrett, J. L. (2019). High Goal Conflict and Low Goal Meaning are Associated with an Increased Likelihood of Subsequent Religious Transformation in Adolescents. *Journal of Research in Personality*, 80, 38–42. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.04.004
- Snook, D. W., Williams, M. J., & Horgan, J. G. (2018). Issues in the Sociology and Psychology of Religious Conversion. *Pastoral Psychology*, 68, 223–240. DOI:10.1007/s11089-018-0841-1.
- Stark, R. Glock, C. (1968). *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley, CA: University of California Press.
- The Changing Global Religious Landscape. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>.
- Topchiev, M. S. (2020). Vliyaniye religioznogo faktora na formirovaniye brachno-semejnykh ot-nosheniy v prigranichnom regione (na primere Astrahanskoy oblasti) [The Influence of the Religious Factor on the Formation of Marriage and Family Relations in the Border Region (on the Example of the Astrakhan Region)]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 3, 63–74. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.3.31390.
- Topchiev, M. S., Dryagalov, V. S. (2016). Religioznaya transgressiya i religioznaya identichnost' molodezhi na frontirnykh territoriyah severnogo Prikaspiya [Religious Transgression and Religious Identity of Youth in The Frontier Territories of The Northern Caspian Sea Region]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17(4), 61–82.
- Topchiev, M., Khlysheva, E., Dryagalov, V., Romanova, A., Bicharova, M. (2020). Postmodern Rhizome and Models of Religious Identity. *European Journal of Science and Theology*, 16(1), 119–130.
- Trinitapoli, J. (2007). “BI Know this isn’t PC, but...”: Religious Exclusivism among US Adolescents. *Sociological Quarterly*, 48(3), 451–483.
- Wiesenberg, M. (2020). Authentic Church Membership Communication in Times of Religious Transformation and Mediatisation. *Public Relations Review*, 46, 1. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101817.
- Williamson, W. P., Hood, R. W., Jr. (2012). The Lazarus project: A Longitudinal Study of Spiritual Transformation among Substance Abusers. *Mental Health, Religion & Culture*, 15(6), 611–635.
- Woman.ru Retrieved from <http://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3937188/>.
- Yashin, V. B. (2019). Faktory religioznoy konversii v obshchestvennom mnenii zhitel'ey Omskoy oblasti [Religious Conversion Factors in the Public Opinion of Omsk Region Residents]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2(132), 29–33.

Received 20.12.2019

Accepted 12.02.2020

For citation: Romanova A. P., Chernichkin D. A., Topchiev M. S., Rogov A. V. Causes and Mechanisms of Religious Transgression Among Students of the North of Caspian Sea Region. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 104–120.

© 2020 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).